

УДК 159.9**Кризис субъективности: эффект нулевого «Я»****Пырьянова Ольга Анатольевна**

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: pyryanova@mail.ru

Замощанский Иван Игоревич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Конашкова Алена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен нового типа субъективности – нулевого «Я». Автономность человеческого существования ставится под вопрос, поскольку потоки либидинозной энергии, которые могли бы создать нашу уникальность, подчинены нормализации властными структурами. Создается иллюзия, что субъект обречен на стирание собственной уникальности, на существование в системе маркеров и управления как нулевое «Я». Человеческая субъективность стремится ускользнуть от любого порядка, создавая новые структуры не подчинения, изменяя символические рычаги власти. Дискурс Власти провоцирует «Я» человека на проявления, которые сразу становятся управляемой структурой. Преодолеть данный процесс субъективности способна лишь через обращение к символическому. Интерпретация, жизнь в понятиях, позволяет не только изменить мир, но, создавая новые смыслы, индивид уклоняется от обесценивания собственного существования. Стадия зеркала, описанная Ж. Лаканом, не только объясняет формирование целостного представления у ребенка о самом себе, но и может пониматься как потребность взрослого в Другом находить себя. Именно Другой провоцирует субъекта на проявления собственной идентичности. Фактически индивид обречен на говорение о самом себе, одновременно подчиняясь и сопротивляясь Власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Пырьянова О.А., Замощанский И.И., Конашкова А.М. Кризис субъективности: эффект нулевого «Я» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 241-248.

Ключевые слова

Психоанализ, субъективность, Я, Другой, дискурс.

Введение

Генезис субъективности, как его видит классический психоанализ, неизбежно влечет за собой тему кризиса субъективности. Развитие сексуальности, соразмерное развитию индивида, – критический процесс, переносящий либидинозную энергию из сферы саморегуляции личности в сферу социального управления ею. В этом отношении у З. Фрейда не найти однозначного ответа на вопрос об авторстве жизни. Можем ли мы утверждать, что потоки либидинозной энергии, продуцируемые Оно, создают уникальность человека, которую он сам реализует в социуме? Для Фрейда ситуация воспитания связана с диктатом Сверх-Я в форме родительских требований, с подавлением желаний и добровольным отказом от любви матери как от эдипальной зависимости.

Если же субъективность не является плодом и результатом собственных либидинозных потоков индивида, мы можем говорить о появлении в философии субъекта нового типа, свойства которого и сущностные характеристики маркируются извне некоторой системой управления. В данном случае привязка к дисциплинарной власти не носит обязательного характера, поскольку индивид еще до его социальной зрелости маркирован социальной ситуацией управления, которая обращает его, как такового, в нулевое Я.

Чем больший простор субъективность оставляет для воли внешнего социального управления, тем меньше автономных сущностных характеристик способен взрастить в себе индивид.

Тотальность Дискурса Власти и подчинение индивидуума ее квазидискурсам не фатальна – от любой техники Власти индивидуальность может ускользнуть, иначе социальные парадигмы замерли бы в своем развитии, а люди, витальные существа, превратились бы в колоду карт в саду Власти, условность которой была способна дезавуировать даже маленькая девочка Алиса.

Управляющий Дискурс

Понятийные основания Дискурса не выносят индивидуальности приговора подчинения [Фуко, 1993, 51]. Человек может сопротивляться деиндивидуализации в квазидискурсе Власти: такое сопротивление предполагает *отказ от соблюдения требований власти*, точнее, ее основного требования, которым является смерть индивида в дискурсе. Действительно, подчинение гиперреальному объекту, коллективному Эго возможно лишь при условии самоубийства индивидуальности: человек должен сознательно лишиться себя «живых токов коммуникации»¹, омертветь, перестать творить понятия и вступать в информационный обмен лишь формально, так, как предписывает форма Дискурса власти.

Дискурс изначален, он – форма социальности, которая необходима человеку для самовыражения. В таком изначальном виде дискурс не является структурой подавления

---

¹ Метафора М.К. Мамардашвили.

человеческого Я. Лишь в дискурсе нам дан Другой, лишь в дискурсе мы сталкиваемся с собой как с Другим, что и конституирует субъективность [Лакан, 2000, 210].

Отказ от смерти в дискурсе может быть задан человеком в разных формах: в форме творчества понятий и присваивания имен вещам, о чем пишет М. Фуко, в отказе от речевых стилистических практик, как дискурс де Сада, в достижении однообразия и «нулевой степени стиля», о чем пишет Ж. Батай, но это всегда протест против смерти, стремление к жизни в дискурсе.

Существуют дискурсы, которым принципиально не суждено стать принадлежностью Власти, стать коллективными, дискурсы, настолько индивидуализированные, что ни одна инстанция Власти не способна их мифологизировать, завлечь в сети коллективного бессознательного. Такова ирония – она всегда пребудет с иронизирующим субъектом, и никто в мире не сможет дважды иронически отнестись к одному и тому же объекту. Другой уровень ускользания – поэзия. Поэтическое сопротивляется мифу. Об этом пишет Р. Барт: поэзия создает не тексты, не структуры, четко транслирующие связь означаемого с означаемым, а смыслы, не подлежащие мифологизации, не сводимые к уровню знака, деиндивидуализирующего бытие поэтического произведения [Барт, 2017, 259]. Литература способна извлекать смысл из бытия, ясность смысла дается в образе, который свободен в своем проявлении. Попытка использовать чужой образ подобна желанию оглянуться назад, загнать схваченную реальность в некоторый фрейм [Барт, 1994, 283]. Поэзия никогда не оглядывается назад – поэтический образ жив в новизне. Ни одна поэтическая фраза не может быть повторена – при таком повторении она перестанет быть поэтической. Цитируя поэзию, мы не повторяем фразы, но наслаждаемся формой, стилем, образом, метафорой. После Есенина ни один поэт не назовет мать «моя старушка», это его, личное, человеческое, слишком человеческое, чтобы быть повторенным.

Субъективность, порожденная психоанализом

Формирование субъективности в психоанализе Ж. Лакана связано с определенной стадией личностного развития, которую сам автор называет «стадией зеркала» [Лакан, 1997, 8].

Этот шаг первичен для субъективности в процессе обозначения внешнего мира, в его знаковой идеализации (идеализации в форме знака): «Эту форму, если мы хотим заставить ее войти в знакомый регистр, стоило бы, впрочем, назвать идеальным я, в том смысле, что она будет еще и источником вторичных идентификаций, чьи функции либидинозной нормализации мы распознаем под этим термином. Но важным пунктом здесь является то, что эта форма задолго до социальной определенности располагает инстанцию эго на линии вымысла, никогда не подлежащей изменению для отдельного индивида, – или, скорее, которая лишь асимптотически способна воссоединиться со становлением субъекта, каким бы ни был успех диалектического синтеза, посредством которого он должен растворить в качестве я свое несоответствие своей собственной реальности» [Лакан, 1997, 9]. Так начинается оформление ментального пространства субъективности, в последующей жизни ответственного за рационализацию либидинозных потоков, их инвестирование в социальные формы и их легитимацию в языке (допустимую природой конкретного языка).

Лакан использует для описания данного процесса термин гештальт, который позволяет предвосхитить возможности человеческой субъективности через внешнее. Благодаря гештальту ментальное Я, с одной стороны, поймано в стремлении к своему постоянству, с другой стороны, становится очевидным будущее отчуждающее предназначение [Лакан, 1997, 9]. Гештальт –

формальная данность, но данность интерпретируемая (если, конечно, этот гештальт носит завершенный характер) – пространство приобретает миметический характер, заметим, становится социальным пространством, пространством первичной социальной ситуации контакта с Другим.

Это первичное социальное пространство представляет собой некую, неожиданную, но, безусловно, принимаемую гетерогенность. Видимый, зримый мир – бытие, воспринимающее индивида. Его ожидания требуют ответа в форме зеркала – Другого. Отсутствие зеркала, Другого – символ недостаточности, нехватки, порождающий незавершенные гештальты, в поисках которых пройдет дальнейшая жизнь человека. Его субъективность оказывается плененной этим отсутствием позитивной энергетике, переводящей либидинозную активность вовне. Отдавать, искать незавершенный гештальт – вот к чему стремится субъективность, лишенная зеркала. Такая своего рода одержимость нарциссизмом, фиксация на нарциссической интенции и нарциссическом инвестировании является, по Лакану, закономерным процессом (диалектикой объекта [Лакан, 1998, 218], как этот процесс называет Лакан, ссылаясь на идею Фрейда).

Опережение, или избыток Другого, формирует репрессивные тенденции в отношении субъекта, а субъективность оказывается вовлеченной в это символическое поле репрессии внешнего образа. Тенденция эта носит абсолютный и универсальный характер.

Так, стадии зеркала – противоречивый процесс формирования субъективности, когда Эго избирает путь формирования: «стадия зеркала есть драма, внутренний посыл которой стремительно развивается от недостаточности к опережению – и которая для субъекта, пойманного на наживку пространственной идентификации, измышляет фантазмы, постепенно переходящие от раздробленного образа тела к форме, каковую мы назовем ортопедической, его целостности, – и к, наконец, водруженным на себя доспехам некоей отчуждающей идентичности, которая отметит своей жесткой структурой все его умственное развитие» [Лакан, 1997, 10]. Пространственная идентификация, о которой пишет Ж. Лакан, есть не что иное, как оформление социального пространства субъекта в процессе которого происходит освоение принципов социальной репрезентации субъективности. Вместе с тем, этот процесс носит спонтанный характер, реализует потребности индивида на инфантильной стадии первичных потребностей. Для ребенка Другой – объект любви и желания, стадия зеркала интимна, и социальное в человеке формируется через интимность.

На стадии зеркала субъективность обретает смысл, это закономерно связывает ее формирование с языком – так возникает понимание Я, затем оформляемое в языке [Лакан, 1998, 219-220]. Язык определяет не только характер взаимодействия с Другим, но и сущность самого субъекта. [Cordon, 2012, 282]. Язык закрепляет первичное отношение к Другому и начинает с ним работать – в этом наиболее четко проявляется инструментальная функция языка – субъект начинает задумываться об отнесенности к истине и лжи (стоящими за ними реальности и видимости). Смысл субъективности встраивается в социальный контекст – конструируется в определенном фрейме. Одновременно, субъективность получает признание через проговаривание. Опыт социальной жизни – постижение структуры текста, где субъективность выполняет функцию знака – «Я». Этот знак может быть явным (в английском языке) и скрытым, потаенным (в русском), но он всегда есть подструктура социального отношения, реален в отношении к социальной ситуации.

Социальная ситуация протраивания знаков с возрастом (с усложнением процедуры использования имен и расширением комплекса коннотативных и денотативных структур)

становится все менее последовательной – переход субъекта от желания к неудовольствию и бунту рождает противоречия вприятии Другого. Другой перестает выполнять роль зеркала – он становится фреймом. Но фреймом становится социальный Другой – носитель системы социальных условностей, инициатор, аватар и восприимчивый ролей и статусов. Желание, на которое первоначально была направлена либидинозная энергия Я, остается вне этого фрейма. Так, субъективность обретает смысл через переход от желания и удовольствия к фрустрации [Лакан, 1995, 20]. Так, переход к речевой объективации, освоению названия Я заставляет субъективность заново интерпретировать уже сложившийся в первичной нарциссической объективации образ, что, с одной стороны, лишает Эго обретенного инфантильного статуса, с другой стороны, требует переосмысления самой процедуры – частичного отказа от визуальной интерпретации и перехода к знаковой, формальной, культурной стадии обозначения Эго, не являющейся спонтанной, реализующейся в проектируемых субъектом текстах. Сама сложность данной задачи для субъекта рождает фрустрацию.

С речью связано функционирование Эго в форме знака, в форме отчужденной структуры, задающей поле социальности. Ж. Лакан пишет: «На самом деле Эго, силу которого наши нынешние теоретики измеряют его способностью выдержать фрустрацию, есть фрустрация по самой своей сути. Это не фрустрация желания субъекта, а фрустрация, вызванная самим объектом, в котором его желание отчуждено; и чем больше оформляется этот объект, тем более углубляется отчуждение субъекта от его наслаждения. Перед нами, таким образом, фрустрация во второй степени, причем такая, что даже если субъекту и удастся включить ее форму в свой дискурс, воссоздав тот инертный образ, в котором субъект, отраженный в зеркале, находит себе объект, он все равно не сможет этим удовлетвориться, ибо даже при абсолютном сходстве он сумеет отразить в этом образе лишь желание другого. Это значит, что адекватного ответа на этот дискурс не существует: всякое слово, которое примет его обозначение за чистую монету, субъект сочтет за презрение.

Агрессивность, которую испытывает при этом субъект, не имеет ничего общего с животной агрессивностью фрустрированного желания. Отсылка к таковому, которой обычно и удовлетворяются, маскирует другую агрессивность, для всех и каждого гораздо менее приятную: агрессивность раба, отвечающего на фрустрацию от своей работы желанием смерти.

Понятно теперь, как эта агрессивность может отреагировать на любое вмешательство, которое, обнаруживая воображаемые намерения дискурса, демонтирует объект, созданный субъектом для служения им» [Лакан, 1995, 20-21]. Так, Эго попадает под власть интерпретаций Другого – знаковая система изначально сложнее интерпретаций, которые по отношению к целому языка всегда будут вторичными. Однако признание вторичности собственных интерпретаций Другого – всегда крайне болезненный удар по нарциссическому Эго, которое себя объективирует, начиная со стадии зеркала как первичное и доминирующее над реальностью в тотальности собственного желания.

Субъективность попадает в ситуацию нормативного именованного, которому она вынуждена подчиниться [Лакан, 1998, 208]. Языковые отношения преобразуют ситуацию господства воображаемого образа на стадии зеркала в символическое, культурное отношение, создающее историю субъективности как связь прошлого и будущего: «Все человеческие существа участвуют в символическом универсуме. Они гораздо более включены в него и переживают его влияние, нежели сами конституируют его. Они в гораздо большей степени являются его носителями, нежели действующими факторами. Именно вследствие влияния символов, символического построения истории человека происходят изменения, в которых субъект бывает

готов признать своими меняющиеся, раздробленные, изломанные, порою даже не сложившиеся и регрессивные образы» [Лакан, 1998, 209]. Эти рассуждения можно, конечно, трактовать как профессиональный пафос психоаналитика – воля к власти. Доля истины в этом моменте присутствует: «Искусство аналитика должно, напротив, состоять в том, чтобы постепенно лишать субъекта всякой уверенности, пока не рассеются последние призраки ее. И именно с членением дискурса связаны этапы их исчезновения» [Лакан, 1995, 22].

Заключение

Дискурс, воплощая желание индивида, соблазняет Власть. Власть использует желание, чтобы овладеть Дискурсом и превратить его в силу тотальности и диктата, узурпирующую индивидуума и творящую гиперреальный образ коллективного Эго. «Власть не является нисходящей или исключительно формой репрессии, но возникает из микро-взаимосвязей и это действительно производит, конституирует наши подлинные идентичности» [Richard, 2013, 158]. В этой практике Власть опирается не на сознание, но на бессознательное индивида, поскольку лишь дискурс Власти, укорененный в бессознательном, претендует на вечность. М. Фуко объясняет, как Дискурс власти в форме инстанции контроля поглощает субъективность, становясь у предела сексуальности, у предела языка, у границы субъективности. Может ли человек противостоять такому авторитарному господству дискурса Власти? Его противостояние – жизнь в дискурсе, отказ от включенности в дискурс власти в качестве мертвого элемента. Такая жизнь обретается человеком в творчестве понятий, в иронии, в поэзии.

Но дискурс – структура. Он конституирован, и эта его конституция используется Властью как система господства над человеком.

Власть пластична, она приспосабливается к существующим в обществе реалиям, практикам проговаривания и объективации отношений. Если власть перестанет быть таким хамелеоном, она выйдет из-под контроля собственного раздутого нарциссического Эго, которое, собственно, и обеспечивает вечное инвестирование в управляющий социумом контроль. Регулирующие механизмы имплантируются властью в тела индивидов, стирая границы. Играя с конструктами искусственного и естественного, власть создает определенный порядок конституирования субъекта [Alberts, 2013, 557].

Мир символических интерпретаций дезавуирует притязания субъекта на завершенность первичного нарциссического образа, выстраиваемого Эго. Субъект становится единицей символического обмена во внешней знаковой системе – но лишь так субъективность проявляет себя в качестве культурной, социальной. Лишь в поле речи субъективность может быть поименована, интерпретирована – вне такого социального поля внешних знаков субъективность обречена на переход от первичного нарциссизма к примитивному каннибализму – поскольку ни один зеркальный образ не может существовать достаточно долго как статичный. Но если форма объективации в дискурсе не выработана, либидинозные потоки могут быть инвестированы лишь в крайней структуре, структуре пограничного деструктивного психоза. Так, речь, фрустрирующая и подавляющая, становится защитой субъективности от каннибаллического кризиса нарциссического Эго. Субъективность обречена функционировать в пределах социальности как знак, лишь так она интегрируема в культуру.

Кризис субъективности выражается в деавтономизации сущностных характеристик человека. Предопределяемые социальным управлением субъективные качества личности нивелируются, обращая субъективность в нулевое Я.

Библиография

1. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М.: Академический проект, 2017. 351 с.
2. Барт Р. Литература и значение // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. 616 с.
3. Лакан Ж. Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. СПб.: Алетейя, 2000. 340 с.
4. Лакан Ж. Семинары, Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. 432 с.
5. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М., 1997. 184 с.
6. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
7. Фуко М. Жизнь и наука // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 43-53.
8. Alberts P. Foucault, Nature, and the Environment // A Companion to Foucault. Chichester, 2013. 626 p.
9. Cordon L.A. Freud's World. Santa Barbara, 2012. 467 p.
10. Richard A. Lynch Reading The History of Sexuality // A Companion to Foucault. Chichester, 2013. 626 p.

Subjectivity crisis: the effect of zero self

Ol'ga A. Pyr'yanova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pyryanova@mail.ru

Ivan I. Zamoshchanskii

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Alena M. Konashkova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Abstract

The psychological and philosophical research presented in this article deals with the phenomenon of a new type of subjectivity – the zero self. The autonomy of human existence is called into question, since the flows of libidinal energy, which could create our uniqueness, are subject to normalization by the authorities. The illusion is created that the subject is doomed to erase his own uniqueness, to exist in the system of markers and management as a zero self. The Discourse of Power provokes the human self to manifestations that immediately become a controlled structure. The subjectivity can overcome this process only through the appeal to the symbolic. Interpretation, life in concepts, allows not only to change the world, but, creating new meanings, an individual shuns the devaluation of his own existence. The stage of the mirror, described by J. Lacan, not only

explains the formation of a child's holistic view of itself, but can also be understood as an adult's need for the Other to find itself. It is the Other that provokes the subject to manifest its own identity. In fact, the individual is doomed to talk about himself, at the same time obeying and resisting the Power, conclude the authors.

For citation

Pyr'yanova O.A., Zamoshchanskii I.I., Konashkova A.M. (2018) Krizis sub"ektivnosti: effekt nulevogo «Ya» [Subjectivity crisis: the effect of zero self]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 241-248.

Keywords

Psychoanalysis, subjectivity, self, Other, discourse.

References

1. Alberts P. (2013) Foucault, Nature, and the Environment. In: *A Companion to Foucault*. Chichester.
2. Barthes R. (1994) Literatura i znachenie [Literature and Meaning]. In: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [The selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow.
3. Barthes R. (2017) Mif segodnya [Myth Today]. In: *Mifologii* [Mythologies]. Moscow.
4. Cordon L.A. (2012) *Freud's World*. Santa Barbara.
5. Foucault M. (1993) Zhizn i nauka [Life and science]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Questions], 5, pp. 43-53.
6. Lacan J. (1995) *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize* [The Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis]. Moscow.
7. Lacan J. (2000) Psihoz i Drugoi [Psychosis and Other]. In: *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 14. Status inogo* [Metaphysical research. Issue 14. Status of other]. St. Petersburg.
8. Lacan J. (1998) *Seminari, Kniga 1: Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza (1953/54)* [The Seminar of Jacques Lacan: Book 1, Freud's Papers on Technique, 1953-1954]. Moscow.
9. Lacan J. (1997) Stadiya zerkala i ee rol v formirovanii funktsii ya [The Mirror Stage as Formative of the I Function]. In: *Instantiya bukvy, ili sud'ba razuma posle Freida* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason since Freud]. Moscow.
10. Richard A. (2013) Lynch Reading The History of Sexuality, Volume 1. In: *A Companion to Foucault*. Chichester.